

ЕЛЕНА ГАЛИЦЫНА (Екатеринбург)

**НАЗВАНИЯ ЯДОВИТЫХ РАСТЕНИЙ В УДМУРТСКОМ
И ДРУГИХ ФИННО-ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ:
БОЛИГОЛОВ (CONIUM L.) И ДУРМАН (DATURA L.)***

Abstract. Designations for Poisonous Plants in Udmurt and Other Finno-Permic Languages: Hemlock (*Conium L.*) and thornapple (*Datura L.*)

The article explores the names of poisonous plants in Udmurt in comparison with several other Finno-Permic languages: Komi, Komi-Permyak, Mari, Erzya, Moksha, Finnish, and Karelian. The folk designations reviewed in the article denote two highly poisonous plants — hemlock (*Conium L.*) and hornapple (*Datura L.*). The two major objectives of the article are, first, to study the motivations for the plant designations and, second, to analyse their semantic structure. The author employs descriptive, contrastive, and comparative methods. The total number of lexemes studied is 69 (15 from Udmurt and 54 from the other languages). The identified semantic features of the plant designations show how poisonous plants are represented in the different cultures.

Keywords: Udmurt, Finno-Permic, folk plant designations, semantic motivation, comparative lexicology.

1. Введение

При изучении народной фитонимии особое внимание на себя обращают названия лекарственных и ядовитых растений. Естественно, что такие виды трав и деревьев на протяжении истории играли важнейшую роль в обществе и традиционной культуре. Было необходимо распознавать лекарственные и ядовитые растения среди других, чтобы находить первые и избегать вторых. Вследствие этого с ядовитыми растениями (настоящая статья посвящена именно им) связано множество обычаем, поверьй, мифологических представлений, которые отражаются в языке. В связи с такой смысловой наполненностью номинации опасных растений очень часто представляют интерес в лингвокультурном

* Статья написана в рамках работы по гранту РНФ № 24-18-00148 «Этимологический словарь удмуртского языка (славянские, тюркские и среднеиранские заимствования)» (<https://rscf.ru/project/24-18-00148/>).

Received 11 April 2025, accepted 14 November 2025, available online 10 December 2025.

© 2025 the Author. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>).

и семантическом аспектах. В статье рассмотрены названия двух таких растений — болиголова (*Conium L.*) и дурмана обыкновенного (*Datura stramonium L.*). Анализируется материал удмуртского языка в сопоставлении с некоторыми другими финно-permскими языками: коми-пермяцким, коми-зырянским, марийским (в том числе горномарийским), эрзянским, мокшанским, финским и карельским.

Под ядовитостью растения понимается его опасность для жизни и физического и психического здоровья человека и домашних животных, а также способность растения вызывать опасные симптомы, которые приводят к значительному ухудшению самочувствия или смерти. Ядовитость растения обязательно кодируется в его названиях: в фитонимы могут включаться названия симптомов, вызываемых растением, компоненты с отрицательной коннотацией ('смерть', 'дьявол', 'плохой'), названия животных (особенно в противопоставлении с похожим внешне, но безопасным видом). Однако помимо таких «предостерегающих» номинаций, ядовитые растения также обозначаются через другие заметные особенности, например, внешний вид и свойства структуры.

В статье демонстрируется, при помощи каких языковых средств и мотивационных моделей обозначаются болиголовы и дурманы в перечисленных выше языках. В первую очередь, анализируется, как маркируется их ядовитость, а также показывается, какое место среди мотивации для фитонимов занимают другие особенности двух растений, такие как внешний вид и запах. Автор применяет описательный, сопоставительный, семантико-мотивационный и этнокультурный подходы.

Статья разделена на две половины: в первой рассматриваются названия болиголова, во второй — названия дурмана. В каждой из этих половин содержится две основные части: удмуртские названия и названия на других финно-permских языках; далее выделяются подразделы в зависимости от мотивации фитонимов.

2. Болиголов (*Conium L.*), болиголов пятнистый (*Conium maculatum L.*)

Болиголов (его наиболее распространенный вид — болиголов пятнистый) содержит несколько алкалоидов, наиболее ядовитый из которых — конинин. Болиголов вызывает паралич дыхания (Вакар 1964 : 269); однако у высущенного растения ядовитость снижается, и его используют в народной медицине (Губанов & Киселева & Новиков & Тихомиров 2003 : 627). Запах болиголова вызывает сильную головную боль и головокружение (Вакар 1964 : 269; Мазнев 2004 : 102). Вероятно, этим объясняется русское название растения.

2.1. Удмуртские названия

2.1.1. Ядовитость

Одно из удмуртских названий болиголова пятнистого — *ымдор_пульсатон* (Соколов & Туганаев 1994 : 53) — включает компонент *пульсатон*, образованный от *пульсатыны* 'натереть (набить) мозоль; ошпарить, обжечь, обжигать' (БУРС). Буквальное значение этого наименования в целом — 'обжигающий губы', 'то, что обжигает губы' или же 'то, от

Рис. 1. Болиголов пятнистый.¹

чего появляются волдыри, мозоли'. Вероятно, фитоним описывает ядовитое действие растения: известно, что при контакте с кожей сок болиголова вызывает дерматит (РГО). Однако такая характеристика кажется слишком безобидной для смертельно опасного растения. Возможно, фитоним был перенесен на болиголов, который принадлежит семейству Зонтичные (*Apiaceae*) (Кузнецова & Пряхина & Яковлев 1992 : 51), с какого-нибудь другого вида этого семейства, например, пастернака. Зонтичные растения многочисленны и внешне часто похожи, что вызывает путаницу в их народных наименованиях. Большой удмуртско-русский словарь отсылает от слова *ымдор_пульсатон* к *ым_борезь* 'пастернак лесной' (БУРС). Последний может вызывать ожоги при контакте влажной кожи с листьями, и это его единственное «вредное» свойство (Пастушенков & Пастушенков & Пастушенков 2012 : 163). Номинация *ым_борезь* имеет затемненную внутреннюю форму: ясен компонент *ым* 'рот', а компонент *борезь* или фонетически близкие ему отсутствуют в изученных нами словарях. Можно лишь предположить, что *ым_борезь* — искаженный вариант слова *ым_крезь* (букв. 'рот' + 'крезь', народный музыкальный инструмент, напоминающий гусли'). Удм. *ым_крезь* имеет следующие значения: '1. губная гармоника; 2. дудка' (БУРС). Пастернак лесной имеет полый стебель,² и к нему вполне могли применить название 'дудка'.

2.1.2. Ядовитость + особенности поверхности и структуры

Удмуртские фитонимы *йыр висён турын* (букв. 'головная боль-трава') и *йыр висён гумы* (букв. 'головная боль-полый стебель') (Соколов & Туганаев 1994 : 21), вероятно, являются частичными кальками из рус. болиголов. В оба названия вошел удмуртский перевод исходного русского фитонима (то есть его частей 'голова' и 'болеть, боль'); помимо этого, был добавлен еще один компонент — *гумы* 'полый стебель' или *турын* 'трава'. Наличие полого стебля выделяется в финно-пермских

¹ <https://www.plantarum.ru/page/image/id/680800.html>.

² <https://xn----itbaahwdeokdb7hud.xn--p1ai/%D0%BF%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BA-%D0%BB%D0%B5%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B9/>.

фитонимах как особый, характерный признак. Слова со значением 'полый, дудчатый стебель' довольно часто входят в состав номинаций растений, преимущественно зонтичных (к семейству Зонтичные относятся и болиголовы). Компонент 'полый стебель' встречается, например, в финно-permских названиях дягиля, дудника, купыря, борщевика, пастернака, сныти (Бродский 2014 : 208—209).

2.1.3. Особенности поверхности и структуры + уподобление другому растению

Удм. *гоно_чысны* (Соколов & Туганаев 1994 : 15) переводится как 'мохнатый (волосатый) купырь' или 'мохнатый бутень'. Компонент *чысны*, как и название в целом, является фитонимом и может обозначать другие два растения семейства Зонтичные, внешне похожие на болиголовы — купырь и бутень клубненосный (Соколов & Туганаев 1994 : 51). Подобные наименования обычно указывают на то, что стебель или другая часть растения покрыта ворсинками, пухом и т. д. Но болиголов таких ворсистых частей не имеет (Губанов & Киселева & Новиков & Тихомиров 2003 : 627); напротив, у одного из видов бутня стебель по всей длине усажен волосками, а у купыря лесного цветоножки покрыты пушком (Вакар 1964 : 274—275). По всей видимости, произошла путаница, и название купыря или бутня было перенесено на болиголов, а затем закрепилось за последним.

2.1.4. Особенности поверхности и структуры

В противоположность удм. *гоно_чысны*, фитоним *волыт_гумы* (УРС 2008 : 132) буквально переводится как 'гладкий полый стебель', и такое описание соответствует действительности.

2.1.5. Вкус, вкус+ особенности поверхности и структуры

Удмуртское наименование *голькыт_гумы* (букв. 'приторный полый стебель') (УРС 2008 : 164) мотивировано вкусом растения. Очевидно, здесь имеется в виду лекарственное средство из болиголова, а не растущая трава. Ту же мотивацию, вероятно, имеет фитоним *голёкан* (от *голё* 'горло, глотка'). У слова *голёкан* два значения: '1. болиголов; 2. перен. сладковатый' (УРС 2008 : 163).

2.2. Названия на других финно-permских языках

2.2.1. Ядовитость

Т. Н. Меркушева приводит коми-perмяцкий заимствованный фитоним *ömæg* и определяет обозначаемое им растение как 'омежник (*Conium L.*)' (Меркушева 2003 : 218). В научной номенклатуре болиголов (*Conium L.*) и омежник, еще одно ядовитое зонтичное растение (*Oenanthe L.*) (Губанов & Киселева & Новиков & Тихомиров 2003 : 638) различаются. Но в традиции народной эти два растения и их названия вполне могли смешиваться друг с другом из-за общих особенностей. В русском

языке *Oenanthe L.* также имеет название *омег* (Анненков 1878 : 230); от последнего, очевидно, было заимствовано коми-перм. *öмэг*. Согласно М. Фасмеру, слово *омег* обозначает «болиголов, цикуту, аконит», а также «горькое ядовитое питье». Фитоним восходит к праслав. **otēdgъ*, которое было связано чередованием с *мигать* из-за одурманивающего действия, которое оказывают болиголовы и другие ядовитые травы (Фасмер 1987 : 138). Об опасных свойствах растения сообщается и в карельском фитониме *myrkky-heinä* (букв. 'яд-трава') (РКС 2015 : 34).

2.2.2. Ядовитость + особенности поверхности и структуры

В марийском языке болиголов пятнистый именуется *ия_вулеж* и *ия_вуч* (букв. 'чертов полый стебель') (Балдаев 2012 : 54). Соответствующие фитонимы есть и в горномарийском языке: *иа_выч* (букв. 'чертов полый стебель') и *иа_выч шуды* (букв. 'чертов полый стебель-трава') (Балдаев 2012 : 46). Компонент *ия*, *иа* 'черт, нечистая сила, нечистый дух', несомненно, отсылает к опасности, исходящей от ядовитого болиголова. Компоненты со значением 'полый, дудчатый стебель' (*вулеж*, *вуч*, *выч*), как и удмуртские примеры выше, свидетельствуют о важности этой особенности строения растения для народной номенклатуры. Похожие фитонимы — *myrkky_putki* (Suhonen 1936 : 117) и *myrky_butki* (букв. 'яд-полый стебель') (БРКС 2011 : 32) — зафиксированы в финских и карельских диалектах соответственно.

2.2.3. Особенности поверхности и структуры

Эрзянский фитоним *veške-tka* образован от основы глагола *veškēm* 'свистеть' и суффикса *-tka* (Гребнева 1984 : 142). По-видимому, мотивацией здесь стал полый стебель болиголова, который похож на дудку, в которую можно свистеть. Сомнительно, что так в действительности делали со стеблем ядовитого растения, поэтому фитоним дополнитель но не мотивирован народными обычаями, играми и т. п.

2.2.4. Запах, запах + особенности поверхности и структуры

В коми-пермяцком языке отмечено два наименования болиголова, основанных на исходящем от растения неприятном «мышином» запахе (Мазнев 2004 : 102): *зына_турун* (букв. 'вонючая трава') и *зына_гум* (букв. 'вонючий полый стебель') (Федосеева и др. 2021 : 50). Оба этих фитонима также могут относиться к дурману — другому ядовитому растению.

2.2.5. Цвет + особенности поверхности и структуры

В горно-марийском языке для болиголова пятнистого (*Conium maculatum*) отмечен фитоним *кёшкы_выч* (букв. 'змея-(полый) стебель') (Балдаев 2012 : 109), а в эрзянских диалектах — *gujeń bočko* (букв. 'змеиный полый стебель') (Гребнева 1984 : 211; DDML). На первый взгляд, змея упоминается здесь для маркирования ядовитости растения. Но более вероятной представляется другая мотивация: пятнистый стебель болиголова пятнистого напоминает окрас змеиной шкуры. В некоторой

степени это предположение подтверждают примеры из славянских языков: змеиная трава, змеица 'трясунка средняя', гажья трава, змеевик 'ятырьшик пятнистый' (Колосова 2024 : 354) (оба эти растения имеют пеструю окраску). Данные примеры, не связанные с марийским и эрзянским фитонимами этимологически, тем не менее вполне могут иллюстрировать тот же самый номинативный механизм.

Признаки особенности поверхности и цвета выражены и в мар. *шорык_пуч* (букв. 'овечий полый стебель') (СМЯ 2004 : 244). Овечьей шерсти, вероятно, уподобляются белые и пышные соцветия болиголова. Еще одна возможная причина такой номинации — пейоративный оттенок значения, который придают номинациям названия животных. В фитонимах такая ситуация встречается довольно часто (ср. фин. *koiran_kukka* 'собачий цветок' — нивяник обыкновенный; фин. *hara_kan_kukka* 'сорочий цветок' — лютик едкий).

Финская номинация *täplikäs katko* (букв. 'пятнистый болиголов') (Suhonen 1936 : 117) содержит в себе еще один фитоним — *katko*. Это общее обозначение рода *Conium*, этимология которого требует дальнейшего изучения. Фин. *katko* также имеет значение 'разрыв, разлом'; кроме того, в диалектах оно может относиться к некой 'водной траве' и соцветию подорожника (<https://kaino.kotus.fi/sms/?p=main>).

2.2.6. Размер + особенности поверхности и структуры

Эрзянский фитоним *kargoń bočko* (букв. 'журавлиный полый стебель') (Гребнева 1984 : 211) указывает на высокий (до 150 см) стебель болиголова (Губанов & Киселева & Новиков & Тихомиров 2003 : 627), который уподоблен длинным и тонким журавлинным ногам.

Только на признаке размера основаны два финских наименования болиголова пятнистого — *iso_juuri* (букв. 'большой корень') и *iso_yrtti*, *iso_yrtti* (букв. 'большая трава') (Suhonen 1936 : 117). В первом из примеров *juuri* 'корень' обозначает скорее растение в целом, а не отдельную его часть.

2.2.7. Использование в народной медицине

Мотивация фин. *jalo_yrtti* (букв. 'благородная трава') (Suhonen 1936 : 117), скорее всего, связана с лекарственным использованием болиголова. Он применяется как успокоительное, противосудорожное и болеутоляющее средство (Мазнев 2004 : 103), что делает вполне закономерным возникновение такой номинации.

Первый компонент фин. *keisan_putki*³ — *keisa*, *keiso* — это диалектное слово, обозначающее вех ядовитый (*Cicuta virosa* L.), еще одно опасное зонтичное растение. Это заимствование из шведского, в котором компонент *kves-* (> фин. *keiso*) входил в названия лекарственных растений и имел значение 'прыщ, сыпь' (SSA 1 : 663) (напр., *kves_gras* 'прыщ-трава' — линнея северная (Fridner 1999 : 99), *kves_ört* 'прыщ-трава' — веснянка весенняя (Lyttkens 1885 : 61)). Шведский фитоним *kves_ört* относился, в том числе, к паслену сладко-горькому (*Solanum*

³ https://kaino.kotus.fi/sms/?p=article&sms_id=SMS_2bf3b654ab3df8f0abda2d141f6d0020&word=keisanputki&list_id=92477.

dulcamara L.) (SSA 1 : 663) — растению, содержащему яд, но и применяемому в медицине, в частности, при заболеваниях кожи (Вакар 1964 : 323).

2.2.8. Уподобление другому растению + низкая ценность растения

Перистые листья болиголова пятнистого (*Conium maculatum*) очень похожи на листья моркови, а цветы — на цветы петрушки (Мазнев 2004 : 102). Это сходство и контраст между съедобными и опасным растениями стали основой для эрз. *tataron morkov* (букв. 'морковь татарина') (Гребнева 1984 : 211) и фин. *koiran_persilja* (Suhonen 1936 : 117) (букв. 'собачья петрушка'; ср. рус. 'собачья петрушка') (Анненков 1878 : 105). Отличие от настоящих моркови и петрушки обозначено при помощи ксенонима — компонента *tataron* 'татарина' — и упоминания собаки.

3. Дурман обыкновенный (*Datura stramonium* L.)

Дурман — растение семейства Пасленовые, представляющее собой однолетник с крупными заостренными листьями и воронкообразными крупными цветками. Плоды дурмана описываются как «яйцевидные коробочки [---] покрытые крупными жесткими шипами» (Губанов & Киселева & Новиков & Тихомиров 2004 : 164). Растение имеет заметный неприятный запах и горько-соленый вкус (Орлов & Гелашвили & Ибрагимов 1990 : 210). Все его части содержат сильный яд, который влияет, в том числе, на нервную систему человека, вызывая галлюцинации, но дурман применяется и в народной медицине (Мазнев 2004 : 166).

Рис. 2. Дурман обыкновенный (плод и семена).⁴

⁴ <https://www.plantarum.ru/page/image/id/782856.html>.

3.1. Удмуртские названия

3.1.1. Ядовитость

Значительная часть удмуртских (и финно-пермских в целом) названий дурмана мотивированы его влиянием на психику, из-за чего отравившийся человек ведет себя странно, выглядит «взбесившимся». Такому влиянию растения имеется множество свидетельств. Например, натуралист Иван Иванович Лепехин, путешествовавший по Российской империи в 1768—1769 гг., пишет: «[из-за дурмана] люди приходят в неистовство, малые вещи кажутся им большими, как то солома бревном, и прочая».⁵ Другой путешественник XVIII века, Самуил Готлиб Гмелин, упоминает о том, что в одном из посещенных им мест семена дурмана «кладут в пиво, дабы тем скорее упоить людей».⁶

Описанное отравляющее влияние дурмана (*Datura stramonium*) проявляется в удмуртских фитонимах с компонентом *урмон* 'бешенство' (*урмыны* 'взбеситься, заболеть бешенством; прийти в ярость') (Вершинин 2015 : 216): *урмон_турын* (букв. 'бешенство-трава'), *урмон_будос* (букв. 'бешенство-растение'), *урмон_кидыс* (букв. 'бешенство-семена') (Соколов & Туганаев 1994 : 48). Наименование *йыр_урмытон* (Соколов & Туганаев 1994 : 77) состоит из компонентов *йыр* 'голова; головной' и *урмытон* — существительного, производного от *урмытыны* 'привести в бешенство, довести до бешенства, взбесить' (УРС 2008 : 700). Фитоним можно приблизительно перевести как 'то, что доводит до бешенства в голове'. На той же мотивации, вероятно, основано и название *шайтан_зыль* (букв. 'шайтан-цветы', 'чертовы цветы') (Соколов & Туганаев, 1994 : 51).

Некоторые из перечисленных выше удмуртских фитонимов могут быть кальками из русского языка, в котором также отмечено много подобных названий: напр., *дурман*, *дурнишник*, *дурнопьян*, *бешеное зелье*, *одурь-трава*, *шальная трава* и т. п. (Анненков 1878 : 123). Но, с другой стороны, параллели есть и в других европейских языках (нем. *Toll_kraut*, нид. *dol_kruut* 'бешеная, сумасшедшая трава', рум. *turbare* 'бешенство (болезнь), ярость, неистовство', фр. *herbe du diable*, ит. *erba del diavolo* 'трава дьявола' и т. п.) (Marzell 1972 : 49—50). Это позволяет предположить, что такой взгляд на дурман универсален для многих народов и подобные фитонимы вполне могли возникать независимо в разных языках.

3.1.2. Ядовитость + особенности поверхности и структуры

В удм. *ангыра_гумы* (букв. 'глупый полый стебель', т. е. тот, который делает глупым) (УРС 2008 : 43) отмечается, что дурман имеет полый стебель (как и болиголов, см. выше).

⁵ <https://phytolex.eusp.org/?text=дурман+обыкновенный&yearStart=1000&yearEnd=1900&page=0&offset=10&after=undefined>.

⁶ <https://phytolex.eusp.org/?text=дурман+обыкновенный&yearStart=1000&yearEnd=1900&page=0&offset=10&after=undefined>.

3.1.3. Использование в народной медицине

Фитоним *пинь_турын* (букв. 'зуб-трава') (Насибуллин & Семенов 2013 : 27) мотивирован лекарственным использованием дурмана: в народной медицине он применяется как обезболивающее средство (Орлов & Гелашвили & Ибрагимов 1990 : 210). Известно, что другое ядовитое растение — аконит — используется при зубной боли (Marzell 1959 : 107). По-видимому, это верно и для дурмана.

3.1.4. Неясная мотивация

Не вполне ясно, какое свойство лежит в основе удм. *куата_пуйы_сяська* (букв. 'капризный цветок'), ср. *куата_пуйы* — букв. 'капризный мешок', о капризном человеке) (Соколов & Туганаев 1994 : 25; Дзюина 1996 : 55). Кажется, что это слишком слабое описание ядовитости растения. Дурман никак нельзя назвать капризным и в выборе места произрастания: он встречается на навозных и мусорных кучах, в канавах, под заборами (Губанов & Киселева & Новиков & Тихомиров 2004 : 164). Можно предположить, что речь идет о сложности в лечебном применении растения, расчете его безопасной дозы, но необходимы дополнительные данные, чтобы уточнить это предположение.

3.2. Названия на других финно-пермских языках

3.2.1. Ядовитость

В других изученных финно-пермских языках, как и в удмуртском, выделяется довольно большая группа фитонимов, в которых дурман характеризуется как растение, лишающее разума, рассудка, делающее отравившегося человека 'бешеным'. Многие из этих номинаций имеют ясную внутреннюю форму:

- коми-зырянский язык: *кольмёдан турун* (букв. 'одуряющая трава') (Ракин 2006);
- марийский язык: *орады_шудо*, марГ *ороды_шуды* (букв. 'дурень-трава') (Балдаев 2020 : 55), *аныртыш_шудо* (букв. 'дурманяющая трава'; *аныртыш* 'то, что затуманивает сознание, одурманивает') (Балдаев 2012 : 13; БМРС), *исер_шудо* (букв. 'глупец-трава', т. е. 'трава, превращающая в глупца'), *уш колтышо шудо* (букв. 'выгоняющая, уничтожающая ум трава') (Рубцова 2015 : 31);
- эрзянский язык: *дурак тикше* (букв. 'дурак-трава'), диал. *уртаза t'ikše* (букв. 'одурманивающая трава'), *durak babań d'ikše* (букв. 'трава дурной бабы') (Гребнева 1984 : 216);
- мокшанский язык: *дурак тише* (букв. 'дурак-трава'), диал. *тапаf t'iše* (букв. 'спутывающая трава', т. е. 'спутывающая рассудок'), *рe'las piñeń d'iše* (букв. 'трава сумасшедшей собаки') (Гребнева 1984 : 216);
- финский язык: *hullu_ruoho* (букв. 'безумная, сумасшедшая трава') (Suhonen 1936 : 128). Эта номинация также применяется к белене черной (Suhonen 1936 : 180).

Иногда опасному влиянию дурмана дается более общее описание. Так, в марийском и эрзянском языках это растение может называться

‘злой, плохой травой’ (мар. *осал_шудо*, эрз. *душман тикше*) (Рубцова 2015 : 31; Гребнева 1984 : 216), в мокшанском языке — ‘опасной травой’ (*pel'ema t'iše*) (Гребнева 1984 : 216). Марийский фитоним *керш_шудо* (букв. ‘колики / колючая боль-трава’) (Рубцова 2015 : 30), должно быть, описывает одно из последствий отравления дурманом; в мокш. *верьгазнь тише* (букв. ‘трава волка’) (Гребнева 1984 : 216) растение представляется как «злое», «дикое», опасное. Коми-зырянское диалектное название *вачкан турун* (ССКЗД 40), вероятно, образовано от глагола *вачкалны* ‘ударять, стегать, бить, хлестать’ (СДКЯ 2012) и метафорически описывает воздействие дурмана на отравившегося человека (также фитоним относится к белене — другому ядовитому растению). Первый компонент коми *дурман турун* (букв. ‘дурман-трава’) (Баталова & Кривошекова-Гантман 1985 : 132), конечно же, заимствован из русского. Но, учитывая то, что слово *дурман* в коми-пермяцком существует и отдельно (Баталова & Кривошекова-Гантман 1985 : 132), а также межъязыковые и межэтнические контакты, можно утверждать, что мотивация *дурман турун* прозрачна для носителей языка.

3.2.2. Запах + особенности поверхности и структуры (стебля), запах + уподобление другому растению

Второй признак, на котором часто строятся финно-пермские номинации дурмана, — его неприятный запах, при этом запах в таких фитонимах сочетается еще с одним признаком. В эту группу входит две коми-пермяцких номинации, общие для дурмана и болиголова: *зына_турун* (букв. ‘вонючая трава’) и *зына_гум* (букв. ‘вонючий полый стебель’) (Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений 2021 : 50). Кроме того, болиголов обозначается в коми-пермяцком языке следующим образом: *зы_гум*, *зына_пучка* (букв. ‘вонючий полый стебель’), *зы_турун* (букв. ‘вонючая трава’) (Меркушева 2003 : 216); *зына_гонюти* (букв. ‘вонючая дикая морковь’) (Меркушева 2003 : 83).

3.2.3. Особенности поверхности и структуры (плода) + форма

Примечательный и необычный вид имеют плоды дурмана, и эта особенность находит отражение в народной номинации. Они представляют собой «яйцевидные коробочки ..., покрытые крупными жесткими шипами» (Губанов & Киселева & Новиков & Тихомиров 2004 : 164). С этим связан финский фитоним *neula_omena* (букв. ‘иголка-яблоко’, т. е. ‘яблоко с иголками’) (Lönnrot & Saelan 1866 : 383) (ср. рус. *колюки-яблоко* (Анненков 1878 : 123), нем. *Stech_apfel* ‘колючее яблоко’, шв. *tistel_äpple* ‘чертополох-яблоко’ (Marzell 1972 : 47)).

3.2.4. Особенности поверхности и структуры (плода) + ядовитость, особенности поверхности и структуры (плода)

В фин. *piikkikotainen hullu_ruoho* (‘колючая безумная трава’, ‘безумная трава с колючками’) (Suhonen 1936 : 128) к более общему названию *hulluruoho* добавляется характеристика поверхности плодов. Аналогичный случай — фин. *oka_hullu_ruoho*⁷ (букв. ‘безумная трава с шипами’).

⁷ <https://laji.fi/en/taxon/MX.39564>.

Эрзянский диалектный фитоним *riragaj* (букв. 'колючка') (Гребнева 1984 : 216) мотивирован только колючей поверхностью плодов.

3.2.5. Особенности поверхности и структуры (плода) + форма + ядовитость

В эрзянском диалектном названии *ovtoń broška* (букв. 'брошь медведя') (Гребнева 1984 : 216) нам удалось выделить три признака номинации. Плоды дурмана сравниваются с брошью из-за овальной формы и того, что они цепляются своими колючками за предметы (вероятно, за шерсть животных). Опасный зверь упомянут в фитониме из-за последнего свойства, но также из-за ядовитости растения (ср. мокш. *верьгазньтише* 'трава волка').

3.2.6. Ядовитость + уподобление другому растению

Эрзянский фитоним *ovtoń bići palaks* (букв. 'жгучая крапива медведя') (Гребнева 1984 : 216), вероятно, основан на уподоблении дурмана крапиве жгучей (*Urtica urens* L.), а компонент 'медведь' добавлен, чтобы подчеркнуть опасность растения. Однако не совсем ясно, по какой причине дурман считается «подвидом» крапивы, так как эти два растения внешне похожи разве что зубчатыми листьями.

3.2.7. Использование в быту

Наименование *лудык_турун* (букв. 'клоп-трава') в коми-пермяцком языке, помимо дурмана, может относиться к клоповнику и багульнику (Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений 2021 : 61). Скорее всего, этот фитоним отражает применение растения для избавления от клопов.

4. Заключение

4.1. Мотивация фитонимов

Названия болиголова и дурмана в удмуртском языке мотивированы следующими признаками: ядовитость (наиболее распространенная мотивация), особенности поверхности и структуры (полый стебель, особенно частотно у болиголова), вкус (болиголов), использование в народной медицине (дурман), уподобление другому растению (болиголов), неясная мотивация (дурман). В других финно-пермских названиях болиголова добавляются следующие мотивации: запах, цвет (пятнистый стебель), размер, использование в народной медицине, низкая ценность растения. В фитонимах, обозначающих дурман в остальных рассмотренных финно-пермских языках, добавляются признаки запаха, формы, уподобления другому растению, использования в быту. Любопытно, что при наличии такого чрезвычайно важного свойства, как ядовитость, множество названий болиголова (*Conium* L.) и дурмана (*Datura* L.) основаны на других особенностях, прежде всего внешних.

4.2. Семантическая структура фитонимов

При изучении семантической структуры фитонимов наиболее интересно наблюдать, каким образом в языках выражается понимание о сильной ядовитости, крайней опасности обоих растений. В удмуртском языке следующие компоненты в составе фитонимов «сообщают» о действии болиголова и дурмана на человека: 'головная боль', 'обжигающий' ('то, что обжигает'), 'бешенство', 'бешенство в голове', 'глупый' (т. е. 'делающий глупым'). В остальных финно-пермских языках ядовитость маркируется компонентами 'яд', 'черт, чертов', 'безумный', 'одуряющий', 'дурак', 'одурманивающий', 'глупый, глупец', 'злой, плохой', 'опасный', 'колющая боль'. Особенno разнообразны описания воздействия дурмана на сознание: помимо перечисленных компонентов это номинации 'трава дурной бабы', 'трава сумасшедшей собаки'; дурман называется 'спутывающим' и 'выгоняющим ум'. Ту же функцию выполняют упоминания в фитонимах опасных животных — волка и медведя.

В обозначениях болиголова встречаются и названия других животных — змеи, овцы, журавля, а также растений — петрушки и моркови. В последних двух случаях в фитоним включается и компонент с пейоративным значением ('татарин', 'собака'), и таким образом подчеркивается контраст между настоящими полезными растениями и ядовитой «обманкой», похожей на них внешне.

Кроме того, среди изученных фитонимов выделяются названия дурмана с компонентами 'иголки', 'шипы', особенно метафорические номинации 'яблоко с иголками' и 'брюшь медведя'.

Представленное исследование открывает широкие возможности для продолжения. Эти возможности касаются как расширения, так и сужения, углубления тематики: с одной стороны, увеличения числа сопоставляемых ядовитых растений и языков, с другой стороны — концентрации на нескольких названиях и подробном изучении их этимологии и мотивации.

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Address

Elena Galitsyna
Institute for History and Archaeology of the Ural Branch of RAS
Ural Federal University
E-mail: helen25-00@mail.ru

Сокращения

БМРС — Большой марийско-русский словарь <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=37767>;
БРКС — Т. П. Бойко, Л. Ф. Маркиanova, Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие), Петрозаводск 2011; БУРС — Большой удмуртско-русский словарь. <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=129449>; РКС — Русско-карельский словарь (севернокарельские диалекты), Петрозаводск 2015; РГО — Русское географическое общество. <https://www.rgo.ru/ru/article/v-sochi-zacve>

lo-odno-iz-samyh-yadovityh-rasteniy-mira; **СДКЯ** — Словарь диалектов коми языка, Сыктывкар 2012. <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=868754>; **СМЯ** — Словарь марийского языка, Йошкар-Ола 2004; **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Ижевск 2008; **DDML** — The Dialect Dictionary of the Mordvin Languages Based on the Heikki Paasonen Materials. <https://www.mv.helsinki.fi/home/rueter/Paa-sonenMW.shtml>.

диал. — диалектный; **ит.** — итальянский; **комиП** — коми-пермяцкий; **мар.** — марийский; **марГ** — горномарийский; **мокш.** — мокшанский; **нем.** — немецкий; **нид.** — нидерландский; **предслав.** — предславянский; **рум.** — румынский; **рус.** — русский; **удм.** — удмуртский; **фин.** — финский; **фр.** — французский; **шв.** — шведский; **эрз.** — эрзянский.

ЛИТЕРАТУРА

- Анненков Н. И. 1878, Ботанический словарь, Санкт-Петербург.
- Балдаев Х. Ф. 2012, Марийско-русский словарь биологических терминов, Йошкар-Ола.
- 2020, Русско-марийский словарь биологических терминов, Йошкар-Ола.
- Баталова Р. М. & Кривощекова-Гантман А. С. 1985, Коми-пермяцко-русский словарь, Москва.
- Бродский И. В. 2014, Детерминанты сложных (составных) названий растений в финно-пермских языках. — Севернорусские говоры. Вып. 13, 199–222.
- Вакар Б. А. 1964, Определитель растений Урала, Свердловск.
- Вершинин В. И. 2015, Этимология удмуртских слов. Том 1, Йошкар-Ола.
- Гребнева А. М. 1984, Флористическая лексика мордовских языков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск.
- Губанов И. А. & Киселева К. В. & Новиков В. С. & Тихомиров В. Н. 2003, Иллюстрированный определитель растений Средней России. Т. 2. Покрытосеменные (двудольные: раздельнолепестные), Москва.
- 2004, Иллюстрированный определитель растений Средней России. Т. 3. Покрытосеменные (двудольные: раздельнолепестные), Москва.
- Дзюина К. Н. 1996, Средства образного выражения в удмуртском языке, Ижевск.
- Колосова В. Б. 2024, «Змеиные» растения в русских говорах. — Антропологический форум, № 62, 347–362.
- Кузнецова Т. В. & Пряхина Н. И. & Яковлев Г. П. 1992, Соцветия: морфологическая классификация, Санкт-Петербург.
- Мазнев Н. И. 2004, Энциклопедия лекарственных растений, Москва.
- Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений. Монография, Пермь 2021.
- Меркушева Т. Н. 2003, Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических, Сыктывкар.
- Насибуллин Р. Ш. & Семенов В. Г. 2013, Системно-тематический удмуртский словарь, Ижевск.
- Орлов Б. Н. & Гелашвили Д. Б. & Ибрагимов А. К. 1990, Ядовитые животные и растения СССР, Москва.
- Пастушек Л. В. & Пастушек А. Л. & Пастушек В. Л. 2012, Лекарственные растения. Использование в народной медицине и в быту, Санкт-Петербург.
- Ракин А. Н. 2006, Быдмög нимъяслöн кывкуд, Сыктывкар. <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=950333>.
- Рубцова О. Г. 2015, Краткий четырехязычный словарь фитонимов (на материале латинского, русского, марийского и немецкого языков), Йошкар-Ола.
- Соколов С. В. & Туганов В. В. 1994, Биологической нимкылъёсын кылбуугор = Словарь биологических терминов, Ижевск.

Ф а с м е р М. 1987, Этимологический словарь русского языка. Т. 3, Москва.
F r i d n e r, Gustav 1999, Folkliga växtnamn i Västerbotten, Stockholm.
L ö n n r o t, Elias & S a e l a n, Thiodolf 1866, Flora Fennica. Suomen Kasvio,
Helsinki.
L y t t k e n s, August 1885, Om svenska ogräs, deras förekomst och utbredning,
samt intagande af uppgifter om ogräsfrön i fröanalysbevis, Norrköping.
M a r z e l l, Heinrich 1959, Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen. Band 1,
Leipzig.
— 1972, Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen. Band 2, Leipzig.
S u h o n e n, Pentti 1936, Suomalaiset kasvinnimet, Helsinki (Annales botanici
Societatis zoologicae-botanicae Fennicae Vanamo 7).

JELENA GALITSÖNA (Jekaterinburg)

**SURMAPUTKE (*CONIUM L.*) JA OGAÕUNA (*DATURA L.*) NIMETUSED
UDMURDI KEELES JA TEISTES SOOME-PERMI KEELTES**

Artiklis uuritakse kahe väga mürgise taime — surmaputke (*Conium L.*) ja ogaõuna (*Datura L.*) — udmurdikeelseid nimetusid ja vörreldakse neid mitme teise soome-permi keele — sürjakomi, permikomi, mari, ersa, mokša, soome ja karjala — nimetus-tega. Autori kaks peamist eesmärki on välja selgitada nimetamismotiivid ja analüüsida nimetuste semantilist struktuuri. Kokku on käsitletud 69 lekseemi (15 udmurdikeelset ja 54 muude keelte nimetust). Udmurdi keeltes on nii surmaputke kui ka ogaõuna nimetuste põhiliseks aluseks nende taimede mürgisust, aga teistes vaadeldud keeltes pigem muud tunnused, ennekõike välimus.